

В тот же день он спросил Чжэн Цзыжаня об этом и довольно прямо спросил:

— Ты меня тогда уже любил?

Кто бы мог подумать, но Чжэн Цзыжань решительно покачал головой.

— Нет. Хотя точно не знаю, когда именно начал тебя любить, но я точно знаю, что тогда я считал тебя просто хорошим братом, других мыслей не было.

Сун Сиянь промолчал. Хотя он знал, что тот просто говорит правду, но почему-то стало немного не по себе.

Однако, пусть факты и таковы, но теперь статус изменился. Вспоминая моменты их общения в прошлом, хотя тогда никто об этом не думал и между ними были самые что ни на есть нормальные товарищеские отношения, теперь, переосмысливая, казалось, что каждая секунда была сладкой.

Думая об этом, Сун Сиянь и так чувствовал сладость на душе, но тут Чжэн Цзыжань продолжил тему:

— И к тому же, я отказался от футбола не только ради тебя. В основном из-за того, что у меня слишком большая сила, я плохо контролирую ногу, боялся, что продолжая играть, снова случится несчастный случай, поэтому просто бросил.

Только закончив говорить, он заметил молчание Сун Сияня.

— О чем думаешь? — спросил Чжэн Цзыжань.

Сун Сиянь снова промолчал. Он немного подозревал, что Чжэн Цзыжань еще в средней школе питал к нему нечистые намерения и именно из-за него бросил футбол. Хотя это звучало жалко, но если вдуматься — было сладко. Позже, узнав, что в средней школе между ними не было ни одной искры, он только что сам себя убедил добавить сладости в воспоминания, а тут Чжэн Цзыжань одним легким предложением уничтожил весь этот вкус.

Лицо парня немного помрачнело, Чжэн Цзыжань вдруг осознал, что, похоже, сказал что-то не то. В одно мгновение он сообразил и тут же сказал Сун Сияню:

— Но теперь, если подумать, большая сила — это тоже хорошо. Сила большая — я могу тебя легко поднять на руки.

— Чепуха... Что за чушь ты несешь? Кто просил тебя меня носить? — Сун Сиянь немного заикался, сразу забыв про предыдущее недовольство.

Чжэн Цзыжань увидел, что тот действительно отвлекся, наглыми шагами подошел вперед.

— В прошлый раз, когда шел снег, ты позволил меня понести. Давай еще разок? — Сказав, он устроил Сун Сияню «принцессу на руках».

Сун Сиянь мгновенно оказался с ногами на весу, тело в воздухе, ему срочно пришлось обнять плечи Чжэн Цзыжаня, чтобы сохранить равновесие. Тут он окончательно забыл про то небольшое недовольство. Чжэн Цзыжань считал себя очень умным, но не знал, что такая «сообразительность» называется инстинктом самосохранения.

После этого вышли результаты, родительское собрание, каникулы, и очень быстро наступил

Новый год. После Нового года весь город был шумным полмесяца, и только после Праздника фонарей праздничные дни можно было считать законченными.

В день семейного застолья на Праздник фонарей четвертый дядя очень опоздал. Когда с трудом добрался, лицо было полно тревоги. Старший дядя, подавая блюда, спросил:

— Что случилось? О чем переживаешь?

Четвертый дядя ответил:

— У меня в подчинении есть аспирант третьего курса, его донесли, что он гомосексуалист. Его и... его парня фотографии расклеили на доске объявлений. Сегодня из-за этого дела университет вызывал меня на разговор. Ребенка заставили взять академический отпуск, говорят, подождать год, пока уляжется шум, а потом пустят обратно доучиться. — Он с сожалением добавил:

— Ребенок очень способный, к исследованиям талантлив и настойчив. Если продолжить текущую тему, можно опубликовать статью в зарубежном журнале. А теперь — всё задержится, ради этой темы он больше года возился. Эх...

Сун Сиянь, который из-за большого прогресса на итоговых экзаменах был восхваляем всей семьей полмесяца и жил немного на небесах, в этот момент вдруг рухнул на землю, словно провалился в ледяную яму.

— Такие вещи — нравится парень или девушка — разве это так важно? — Когда старшие сожалели или сокрушались по этому поводу, Сун Сиянь вдруг спросил. Он старался, чтобы тон был как обычно, будто спросил просто из любопытства.

Дядя и тетя ничего не заподозрили. Четвертый дядя сказал:

— Вообще-то, если по логике, человеку нравится кто-то — это его свобода, другим нечего сказать. Но так реально думает меньшинство, даже крайне малое. Как только происходит такой случай, это считается крайне плохим влиянием. Отчисление на год — уже хороший результат. Однако... — четвертый дядя остановился. — Я с тем ребенком разговаривал. Он сказал, что из-за того, что дело разразилось, их семьи тоже узнали, сейчас их заставили расстаться. Теперь такой исход, через год он вернется или нет, сможет ли вернуться — еще неизвестно. Очень жалко.

Эти слова вырезали рану в сердце Сун Сияня. Информация, которую он нашел в интернете, когда впервые понял, что влюблен в Чжэн Цзыжаня, теперь разом хлынула в глаза. Все негативные слова мира в одно мгновение обрушились ему на голову, до такой степени, что ему было трудно дышать.

Почему он раньше об этом не думал? Он и Чжэн Цзыжань не могут вечно вместе в тайне, их отношения рано или поздно станут известны другим. Так не будет ли их результат таким же, как у этого студента? В это время его опьянила радость того, что он наконец может быть с Чжэн Цзыжанем, и он совершенно не думал о будущем.

Сун Сиянь всю ночь не спал. На следующий день, первый день после зимних каникул, Сун Сиянь пошел в школу с явно недосыпающими глазами. По дороге Чжэн Цзыжань увидел, что у него плохой цвет лица, и спросил:

— Домашку не сделал?

Сун Сиянь сложно посмотрел на него. Этим взглядом он передал Чжэн Цзыжаню информацию — у Сун Сияня на душе тайна.

И правда, на большой перемене Сун Сиянь позвал его на маленький балкон. Конец зимы — начало весны, ветер еще холодный, постоять на маленьком балконе пять минут — продует до самых костей.

— Чжэн Цзыжань, может, нам расстаться? — И так было достаточно холодно, но как только Сун Сиянь открыл рот, это были еще более леденящие душу слова.

— Почему? — Чжэн Цзыжань нахмурил брови и спросил его. Он слышал, что в тоне Сун Сияня не было шуток.

Сун Сиянь рассказал о том, что услышал вчера, и выразился:

— Я не хочу, чтобы мы в будущем стали как они. К тому же, это я первый признался тебе, ты меня изначально не любил...

— Но теперь люблю, — прервал его Чжэн Цзыжань.

— ... Тогда я тебе извиняюсь. Ты меня больше не люби, давай расстанемся, — Сун Сиянь опустил голову, совсем не глядя на Чжэн Цзыжаня.

— Сун Сиянь, если бы я не обещал тебя не бить, я бы сейчас тебя отлупил, чтобы ты очнулся. Ты думаешь, что любить или не любить — это просто верхняя губа касается нижней, сказать предложение так просто? — Чжэн Цзыжань от злости даже рассмеялся. — Ты мне признался, я согласился, я тоже тебя полюбил, тогда это не так просто, ты говоришь — конец, и конец? Ты думаешь, это два ребенка играют в дом?

— Вообще я с тобой больше не дружу, — Сун Сиянь не мог его переспорить, в конце упрямо бросил эту фразу и развернулся убежать. Скорость была быстрой, словно боялся, что Чжэн Цзыжань его догонит.

Но Чжэн Цзыжань не погнался, он просто стоял на месте и крикнул в спину Сун Сияню:

— Я дам тебе время хорошо подумать, когда ясно подумаешь, тогда и поговорим об этом.

Хорошо подумал Сун Сиянь или нет, Чжэн Цзыжань не знал, но с этого дня Сун Сиянь действительно начал претворять в жизнь ту фразу «я с тобой больше не дружу»: не давал Чжэн Цзыжаню целовать, не давал обнимать, даже когда обычно ходили в школу и случайно задевали друг друга при ходьбе, он прыгал в сторону, словно ему хвост подожгли.

На следующее утро после «расставания» трое шли в школу. Лян Сяофэй шел с внутренней стороны, наступая на бордюр и качая головой, Сун Сиянь посередине, Чжэн Цзыжань с внешней стороны.

Вдруг сзади раздался рев мотоцикла, быстро приближаясь. Чжэн Цзыжань инстинктивно оглянулся и в то же время, обняв Сун Сиянь, сделал шаг внутрь. Сун Сиянь от его объятий весь вздрогнул, шерсть встала дыбом.

Техника у мотоциклиста была хорошей, просто звук был громким, скорость высокой, реально опасности врезаться в людей не было. Сун Сиянь глядя на зад мотоцикла, уперся руками, оттолкнулся от Чжэн Цзыжаня, отступил на полшага назад, развернулся и недовольно

напомнил ему:

— Не трогай меня руками.

Хотите узнать о будущих работах? Зайдите в мой профиль!

<http://bllate.org/book/16804/1545439>